

Левиафан:
Экскурс
Гвидо де Колумна
в русском переводе*

Leviathan:
The Digression
by Guido de Columna
translated in Russian

**Дмитрий Михайлович
Буланин**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
С.-Петербург, Россия

Dmitrii M. Bulanin

Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Левиафан, имя загадочного морского чудовища, упоминаемого в нескольких библейских книгах, было в Древней Руси мало кому известно. Поэтому Федор Иванович Карпов, образованный представитель московской аристократии, встретив это имя в переводе Третьей книги Ездры, решил обратиться за разъяснениями к недавно приехавшему с Афона Максиму Греку. Карпов написал специальное послание, адресованное старцу, но ответа на него он так и не получил (или, что тоже не исключено, ответ Максима Грека не сохранился). Вместо ответа рядом с посланием Карпова начиная с XVI в. переписывалась, а потом издавалась небольшая статья, озаглавленная «О Левиафане». Хотя она лишена признаков эпистолярной формы, писцы, а потом издатели воспринимали ее как отклик Максима Грека на послание друга. Как выяснилось, на самом деле статья представляет собой извлечение из 10-й главы «Троянской истории» Гвидо де Колумна. Произведение было переведено на Руси с латинского языка в конце XV в. или (что более

Цитирование: Буланин Д. М. Левиафан: Экскурс Гвидо де Колумна в русском переводе // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 120–142.

Citation: Bulanin D. M. (2025) Leviathan: The Digression by Guido de Columna translated in Russian. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 120–142.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.04

вероятно) в 1520–1530-е гг. Из этого перевода и взят текст статьи. В настоящей работе доказывается, что отрывок извлечен из перевода «Троянской истории» и присоединил его к посланию Карпова какой-то книжник Чудова монастыря в конце XVI в. Работа завершается публикацией отрывка в сопоставлении с латинским оригиналом «Троянской истории» и ее переводом.

Ключевые слова

перевод, миниатюра, тайнопись, эпистолография, архетип, антиграф, Троянская война, библейские книги, провиденциальная история, экзегеза

Abstract

Most people in old Russia were not informed about the name of Leviathan that is used in several books of the Bible to designate a mysterious sea monster. This is why Theodor Ivanovich Karpov, a well-educated Moscow aristocrat, having encountered the name of Leviathan in a translation of the Third Book of Ezra, asked Maxim the Greek, who had just arrived from Athos, for clarification. Karpov addressed a special letter on this topic to the learned Greek monk. However, he never received a reply, or possibly Maxim the Greek's response was later lost. Instead, starting from the 16th century, a small article entitled *On Leviathan* used to be copied (and then used to be published) together with Karpov's letter. Although the article *On Leviathan* lacks any signs of epistolary form, scribes and then publishers used to perceive it as Maxim the Greek's response to his friend's letter. As it turns out, the article is actually an extract from Chapter 10 of Guido de Columna's *Historia destructionis Troiae*. *Historia* was translated from Latin at the end of the 15th century or (more likely) in the 1520s–1530s. The text of the article *On Leviathan* is taken from this translation. We have reason to think that the excerpt *On Leviathan* was extracted from the translation of *Historia* and added to Karpov's epistle by a scribe from the Chudov Monastery. This was done at the end of the 16th century. The article *On Leviathan* is published in regard with the text from the Latin original and from the Russian translation of *Historia destructionis Troiae*.

Keywords

translation, miniature, cryptography, epistolography, archetype, antigraph, Trojan War, books of the Bible, providential history, exegesis

О загадочном морском чудовище, которое было сотворено Богом и которое под именем Левиафана несколько раз упоминают библейские книги, в древности слагались легенды, а теперь пишутся одно за другим фундаментальные исследования [Петров 2015]. Хотя о Левиафане дважды заходит речь в Псалтири (73:14; 103:26), самой читаемой в Средние века книге, имя чудовища не столь хорошо знали в Древней Руси, как можно было предположить. Дело в том, что Септуагинта передает еврейское название чудовища словом *δράκων*, эквивалентом к которому у славянских переводчиков Библии стало «змей». Русскому читателю, тем не менее, могло попасться на глаза и имя Левиафана [СлРЯ XI–XVII вв.,

8: 184]. Его приводят по меньшей мере два памятника из корпуса старших переводов: во-первых, Слово на Богоявление Григория Богослова и толкование к этому Слову Никиты Ираклийского, во-вторых, апокрифическое «Откровение» Авраама, вошедшее, как известно, в Толковую и Хронографическую Палеи. Чуть подробнее в связи с рассказом о сотворении мира о Левиафане сообщает Третья книга Ездры, впервые переведенная с Вульгаты в процессе комплектования Геннадиевской Библии 1499 г. Двадцать лет спустя на рассказ Ездры обратил внимание Федор Иванович Карпов, не последний человек в высшем эшелоне московской правящей аристократии XV–XVI вв. и одновременно один из самых образованных писателей своего времени. Его, как видно, смутило несоответствие текста Ездры тому, что говорит о шести днях Творения Книга Бытия. Вероятно, Карпова особенно потрясло, что, согласно переводу Ездры, в «пожрение» избранным отдавался вместе с Левиафаном известный всякому русскому книжнику праведный Енох¹. Самый живой интерес вызвали у писателя messiанские пророчества, содержащиеся в Третьей книге.

1. Послание Федора Карпова

За разъяснениями Карпов обратился к недавно прибывшему в Москву и поселившемуся в Чудовом монастыре Максиму Греку, с которым писатель был дружен до осуждения афонского старца в 1525 г. В специальном послании (оно так и называется в рукописях: «Послание Федора Карпова»), выписав из перевода соответствующие фрагменты, эпистограф спрашивал: «О том, отче, молю твою честность разрешити сия: о воде, и о земли, и о Еносе и о Еливиафаме, и аще вѣчтен есть Ездра в пророкы. Пишет бо о Христе прямо некако, не образы, ниже гананием, но прямо изъявляет» [Максим Грек 2008: 338]. Мы не знаем, удовлетворил ли как-то адресат интерес Карпова. Начиная с XVI в. ответом Максима Грека считается небольшая статья, которая под названием «О Левиафане» присоединялась в списках к Посланию Карпова. Вместе с Посланием их принято и публиковать [Ibid.: 335–339, 480–485]. Как увидим далее, прицельное исследование получившегося диптиха существенно обогащает наши представления не только о каждом из корреспондентов, но также о не имеющих к ним отношения литературных памятниках.

Начнем с автора Послания. Сверка показала, что цитаты из Третьей книги Ездры, которые дает Карпов, довольно точно воспроизводят

---

¹ Имя Еноха появилось в данном контексте вслед за латинским оригиналом, которым пользовался переводчик Третьей книги Ездры. Варианты на этом месте содержат уже старшие списки Ездры: в одних читается Бегемот (Behemoth), в других — Енох (Enoch) [Bensly 1895: 24].

перевод, вошедший в Геннадиевскую Библию: *Син915*, л. 317–317об. Факт сам по себе неувидительный. Федор Карпов поддерживал отношения с теми московскими писателями, которые прежде принадлежали к литературному кругу Новгородского архиепископа Геннадия и занимались в том числе переводами — преимущественно с латинского языка. Интереснее другое. Новгородская кампания XV в. против еретиков, прозванных «жидовствующими», началась с их обвинения в «превращении» псалмов. Еретики отказывали Псалтири в ее прообразовательном значении по отношению к новозаветным событиям. Это обстоятельство во многом объясняет, почему благочестивые книжники XV–XVI вв. предпринимали новые и новые усилия для осмысления пророчеств о Мессии, которые вычитывались из Псалтири и других ветхозаветных книг. Именно такие пророчества Карпов нашел у Ездры. Получается, что его волновал тот самый круг вопросов, который в конце XV в. обсуждали близкие к Геннадию литераторы. Федор Карпов, начинавший в те годы свою карьеру дипломата, появлялся в Новгороде именно в это время. Не будет слишком смелым предположить, что он и сам мог участвовать в новгородских дискуссиях.

Неожиданные открытия связаны со второй частью нашего диптиха — «О Левиафане». В совокупности с Посланием Карпова статья читается уже в старшем списке текстов: *Чуд236*, л. 284об.–288об. Сборник Чудовского собрания, включающий редкие тексты грамматического содержания, хорошо известен славистам [Попов 1881: 52–55; Ягич 1885–1895: 912–949, 971–975]. Он датируется 1589–1599/1600 гг. По совокупности признаков можно понять, что он был составлен непосредственно в Чудовом монастыре. Вывод важный, потому что в кремлевском монастыре, где некогда встречались писатель-дипломат и афонский старец, по-видимому, хранились остатки архива того и другого [Буланин 2021]. Как видно, в архивных записях находился и авторский текст Послания, к которому восходит вся его рукописная традиция, включая списки, где за Посланием следует приписываемая Максиму Греку статья «О Левиафане». Они образуют своего рода диптих, список которого и представлен в Чудовском сборнике. Составитель его работал в те годы, когда уже не было в живых ни Карпова, ни Максима Грека. Если судить по кругу интересов составителя, скорее всего, его заинтриговал в диптихе похожий на тайнопись текст, завершающий Послание (кстати сказать, текст так и не получил убедительного толкования).

Сама рукописная традиция Послания Карпова существует в виде двух ветвей. В списках одной из ветвей произведение переписывалось отдельно, в списках второй, к которой принадлежит и Чудовский сборник, — вместе со статьей о Левиафане. Немногочисленные, но значимые

разночтения, приведенные в новейшем издании Н. В. Сеницыной [Максим Грек 2008: 337–339], позволяют думать, что протографом списков второй ветви явился список, ближайший к рукописи *Чуд236*, если не ее антиграф. Независимо от этого антиграфа к авторскому тексту Карпова восходят списки первой ветви.

Никто до сих пор не сомневался в принадлежности статьи о Левиафане Максиму Греку. Правда, ученые [Сеницына 2008: 43–44] не могли не обратить внимания на те черты в тексте, которые выглядят странно, если признать такую атрибуцию. Являясь будто бы ответом на Послание Карпова, статья почему-то утратила признаки эпистолярной формы. Почему-то из нескольких вопросов, которые ставил Карпов, статья отвечает только на один. Для писательской манеры Максима, ориентирующегося на греческую церковную традицию, необычна высокая концентрация в короткой статье ссылок на латинские авторитеты — «Этимологии» Исидора Севильского, «Плавание» святого Брендана. В статье содержатся и другие отголоски культуры Запада, которые не учитывались в этих дискуссиях, — упоминаются Беда Достопочтенный и «Схоластическая история» Петра Коместора. Все встало на свои места, когда Э. Виммер указала на действительный источник статьи о Левиафане [Wimmer 2005: 176]. Им оказалась «*Historia destructionis Troiae*», пространное сочинение XIII в., написанное мессинским судьей Гвидо де Колумна. Статья представляет собой фрагмент, извлеченный из 10-й главы этого произведения. В связи с рассказом об обращении греков к Дельфийскому оракулу, в этой главе помещен подробный экскурс о начале идолослужения, где и объясняется, кто такой Левиафан [Guido de Columnis 1936: 95–97].

Специалисты по творчеству Максима Грека до сих пор не учли находку Э. Виммер. Но теперь, узнав о происхождении статьи, исследователь стоит перед необходимостью ответить на новые вопросы. Переведен ли фрагмент о Левиафане непосредственно с латинского оригинала «Троянской истории» или это выписка из уже имевшегося русского перевода? Перевод «Троянской истории», сделанный, как принято думать, в конце XV в. и дошедший в немалом количестве списков, хорошо известен исследователям [Творогов 1972а: 166–184]. Однако найти параллельное место к статье о Левиафане в списках перевода оказалось непросто. Книжников явно удручал огромный объем памятника. Большая часть списков содержит одну из многочисленных сокращенных редакций перевода. Значительная часть списков как довольно редкой — найдено всего пять списков — полной (древнейшей) редакции, так и сокращенных редакций дошла с купюрами или с механическими лакунами. Лакуны часто приходится на интересующую нас 10-ю главу «Троянской истории», она пропускалась частично или целиком. Вероятно,

неинтересным или даже вредным считался находящийся в ней перечень языческих богов и древних культов. Все же параллель к нашему фрагменту отыскалась в рукописи XVII в., содержащей полную редакцию перевода: *Тек.пост.15*, л. 101об.–103об. Сравним два текста — статью «О Левиафане» и соответствующий пассаж в переводе «Троянской истории» — убеждаемся в их тождественности.

Такой вывод, подкрепленный показаниями латинского подлинника, позволяет исправить некоторые принципиальные выводы предшественников, исходивших из принятой прежде атрибуции статьи Максиму Греку. В частности, словосочетание в статье о Левиафане, которое Н. В. Сеницына считала глоссой («и диаволи быша, сиречь низу пад»), присутствует и в оригинале «Троянской истории», и в ее переводе. Напротив, индивидуальные чтения, отмеченные исследовательницей в статье о Левиафане по списку *Сол7/7*, обычно не поддерживаются ни переводом, ни оригиналом (ср. два исключения из общего правила: «Сего ради диавол», «безмерна», что соответствует *Vnde dyabolus, immense*). И самое главное: упоминавшийся выше текст, похожий на тайнопись или на ребус, который Н. В. Сеницына приписывала Максиму Греку, принадлежит не ему, а Карпову.

Но не мог ли старец, не пожелавший сочинять ответ корреспонденту, сам отправить ему выписку из находившегося под рукой перевода? Ведь в те годы, когда Карпов и Максим Грек встречались и переписывались, перевод «Троянской истории» уже был, по общему мнению, доступен читателю.

Подобное предположение маловероятно по ряду причин. Во-первых, сошлемся на уже указанные странности, отмечавшиеся во фрагменте о Левиафане еще тогда, когда его сочинителем считали Максима Грека. Во-вторых, в трудах писателя редко отыскиваются случаи, когда бы он обращался к русским переводам иноязычных памятников. В-третьих, не в его стиле было пренебрегать этикетом дружеской переписки [Буланин 1984: 95–123], заменяя личный отклик какой-то цитатой, к тому же несимметричной заданным вопросам. Наконец, в-четвертых. В своих сочинениях и переводах Максим Грек тщательно избегал использовать для обозначения библейского чудовища слово Левиафан, упорно придерживаясь греческого («дракон») или славянского («змея») эквивалентов. В предпочтении первого и второго заметна даже эволюция. В Толковой Псалтири, с которой начались переводческие труды старца, он выбирает греческий вариант не только в переводе толкований², но

---

² Единственный случай, когда в толковании на Пс 103:26, надписанном именем Аполлинария, называется «Левиафан», требует отдельного объяснения: Тр86, л. 242.

и в самом псалтирном тексте. Последний факт симптоматичен, потому что в целом в Толковой Псалтири верно воспроизведена прежняя («киприановская») редакция славянской Псалтири [MacRobert 2018]. Получается, что Максим Грек в данном случае внимательно следил за словоупотреблением и настойчиво заменял славянский вариант на греческий (см. Пс 73:13; 73:14; 90:13; 103:26; 148:7). По-другому дело обстоит в Псалтири, над которой афонский переводчик работал вместе с Нилом Курлятевым в 1552 г. Там он возвращает во всех перечисленных стихах чтения «киприановской» редакции, лишь однажды (Пс 148:7) дав к слову «змеи» маргиналию «драконы»³.

Итак, мы исключаем из наследия Максима Грека — как оригинального, так и переводного — этот фрагмент «Троянской истории» Гвидо де Колумна.

2. «Троянская история» Гвидо де Колумна

Если не Максим Грек, то кто же и когда мог присоединить отрывок «О Левиафане» к Посланию Федора Карпова? Как мы думаем, он был подверстан к Посланию Карпова в антиграфе сборника Чудова монастыря и вместе с Посланием разошелся по другим спискам.

Чтобы доказать наше предположение, нам придется отвлечься от диптиха и сказать несколько слов о переводе «Троянской истории» в контексте литературного развития Древней Руси. Памятник плохо изучен, но и сейчас его датировка XV в. вызывает сомнения. Они вызваны не только тем, что первые указания на существование перевода относятся к 1537 г. Этим годом датируется Житие Михаила Клопского в редакции Василия Михайловича Тучкова-Морозова, вставившего в свое сочинение цитату из занимающего нас перевода [Буланин 1993]. Важнее факт, отмеченный в переводе «Троянской истории» О. В. Твороговым [Творогов 1972: 156]. Оказалось, что туда попала точная цитата из «Повести о создании и поплнении Тройском», составленной специально для Русского Хронографа из двух источников (текста Хроники Константина Манассии и вставленной в ее перевод «Притчи о кралех»). Начальная редакция Хронографа (условно называемая редакцией 1512 г.) датируется, по новейшим данным, 1516–1522 гг. Если впоследствии, когда будет разработана текстология «Троянской истории», выяснится,

³ [Вернер 2019: 852]. Ср.: [Максим Грек 2008: 257], где «губительный дракон» в тексте и «змий» на поле, [Ibid.: 261]: «дракон» в тексте. Грецизм (сопровождающий его глоссой) использовал князь Андрей Курбский, считавший себя учеником Максима Грека. Столетием позже Евфимий Чудовский, предлагая установить смысловое различие между двумя эквивалентами, в свою очередь, опирался на Толковую Псалтирь Максима Грека. См.: [Успенский 2002: 463–464; Пентковская 2016: 40–41].

что цитата восходит к архетипу перевода, это станет решающим аргументом в пользу более поздней его датировки. Само содержание рассказа о Троянской войне в интерпретации Гвидо де Колумна подводит историка литературы к выводу, что русский перевод был осуществлен в XVI в. Основанием для прежней датировки являлось то, что перевод восходит к страсбургскому изданию латинского текста 1485 г., и то еще, что переводами с латинского языка активно занимались в конце XV — начале XVI в. книжники, собравшиеся в Новгороде при дворе архиепископа Геннадия. Но источниковедческие разыскания показали, что геннадиевские писатели (Дмитрий Герасимов, Власий Игнатов, Николай Булев) продолжали переводческую деятельность с латинского и немецкого языков вплоть до конца 1530-х гг. и что пользовались они в том числе изданиями XV в. Не исключено, что к этим переводчикам присоединились новые, чьи имена нам неизвестны.

Интересы Геннадия и подвизавшихся при Новгородской кафедре писателей были обширны. Но они не углублялись в вопросы, относящиеся к философии истории. Зато в XVI в. в связи с разработкой идеологии «священного царства», на роль которого претендовала Москва, проблема исторической телеологии выходит на первый план. История Троянской войны оказывается в центре внимания русских писателей. В достоверности событий, связанных с осадой Трои, никто не сомневался. Но сведения о них черпали тогда не из поэм Гомера, якобы наполненных вымыслами, а из псевдоисторических рассказов Диктиса Критского и Дареса Фригийца⁴. В основе концепции провиденциальной истории, какой она сложилась у московских идеологов в течение XVI в., лежала мысль о переходе идеи царства как сакрального феномена от одного носителя к другому — то, что в западной историографии было определено как *translatio imperii*. Череда ушедших в небытие царств подчеркивала целенаправленность движения мира во времени. Череду их венчала последняя православная держава в Москве, ее неизбежность служила залогом дальнейшего бытия творения Божьего. В этой схеме находили свое законное место два древних языческих царства («еллинских» в терминологии того времени) — Троянское и Македонское. Сведения о последнем черпались из двух редакций «Романа об Александре» псевдо-Каллисфена, переведенных на славянский язык (Хронографическая Александрия, Сербская Александрия). В историческом контексте на первое место выходила символическая трактовка

---

⁴ Р. Пиккио сформулировал остроумную гипотезу, будто бы по модели этикетных для средневековой литературы Запада обвинений Гомера во лжи автор «Слова о полку Игореве» построил оппозицию своей литературной манеры и манеры Баяна. Гипотезу трудно подтвердить, потому что в Древней Руси не читали Гомера [Пиккио 1985].

прошлого, что нейтрализовало вредоносность «еллинских» древностей. Установленная Богом последовательность царств считалась более значимой, нежели их конфессиональная маркировка. Ефросин Белозерский в своей «Александрии» не усомнился поставить в соответствующем месте Иерусалим на месте Трои, чем немало смутил современных комментаторов [Лурье 1965: 207]. Точно так победы Ивана Грозного в Ливонской войне Иосиф Доброписец сравнивал на равных с пленением Иерусалима и с разорением Трои [Макарий 2007: 123]. Представление о безотносительной ценности библейской истории, не идущей в сравнение с языческой, связано с распадом средневекового взгляда на мир. Франциск Скорина видит в повестях о Трое и об Александре легкомысленное чтение: «Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делех, чти “Книги Судей” или «Книги Махавеев». Более и справедливее в них знайдеш, нежели во “Александрии” или во “Тройи» [Бытие 1519: л. 3об.].

Мысль о трансляции феномена царства как движущей силы в историческом процессе неукоснительно проведена Русским Хронографом, выдающимся памятником историографии, в котором впервые судьба Руси вплетена в перипетии мировой истории. В Хронографе хорошо просматривается организующая роль, которую выполняет в повествовании Троянский сюжет. Расцвет и падение Трои служили эталоном полного цикла в развитии отдельно взятого царства — той парадигмой, по образцу которой выстраивались позднейшие циклы. К Троянской истории отсылала в Хронографе не только упоминавшаяся выше Повесть. Непосредственно за Повестью помещен рассказ о начале Рима — «царства вечерних еллин»: Рим связывает с Троянским сюжетом судьба Энея. В разделе об Александре Македонском живописуется, как перед Восточным походом завоеватель отправился на место разрушенной Трои и с завистью вспоминал там о древних героях, чьи подвиги воспел Гомер. Троянские реминисценции находим в текстах, посвященных основанию Константинополя и его гибели в 1453 г. Перед читателем Хронографа проходила вереница сокрушенных неверными православных государств: помимо Византии составитель отвел самостоятельные главы Болгарскому и Сербскому царствам, исчезнувшим с лица земли, как потом исчезла империя. Тем временем Русь, по торжественным словам составителя, «растет, и младеет, и возвышается». В разном сочетании акцентированные в Хронографе носители власти, к числу которых русские книжники добавили такие важные для них символические центры, как Новгород, позднее Казань, упоминаются в знаковых для идеологии XVI в. литературных памятниках. Среди них Повесть о взятии Константинополя, Сказание о Мамаевом побоище, Казанская история [Bulanin 2021].

Парадигматичность Троянской темы и значимость репрезентативного ее воплощения — сочинения Гвидо де Колумна — ярко проявилась в Лицевом своде, составлявшемся в последние годы царствования Грозного, когда работы по осмыслению нового статуса Москвы существенно продвинулись. Если в Хронографе известия, относящиеся к Руси, шли скромным довеском к византийской и южнославянской истории, которой и был посвящен памятник, то в комплекте книг, занятых Лицевым сводом, мировой истории отведено всего три тома, а вот русской истории — целых восемь (включая несохранившийся). В трех томах, вмещающих сведения по общей истории, судьбе Трои и Македонского царства уделяется пристальное внимание. Писание Гвидо де Колумна находится в первом томе свода, занимая там примерно половину кодекса и сигнализируя тем самым о важности темы: *Муз358*, л. 588–1002об., 1029–1031 [Bushkovitch 2020]. Интересно, что заключение к переводу «Троянской истории» отделено здесь от предшествующего текста вторым по счету произведением о Троянской войне — известной уже нам «Повестью о создании и поплении Тройском» (*Муз358*, л. 1003–1028об., окончания недостает). Едва ли соединение двух памятников на одну тему произошло по случайному недосмотру: против такого заключения говорит смысловая законченность текста «Троянской истории» на отделившихся листах, а также киноварный заголовок, обозначающий начало Повести. Дублирование Троянского сюжета подчеркивало его роль в общем замысле многотомного свода. Но этим не ограничивается важность данного раздела свода для интерпретации его замысла. Удвоение Троянского сюжета указывает, кажется, на один из образцов, откуда создатели Лицевого свода могли позаимствовать саму его идею — показать исторический путь человечества одновременно словами и миниатюрами. Образцом для плана Лицевого свода мог послужить несохранившийся иллюстрированный список Хроники Манассии, в которой, как мы помним, Троянский сюжет тоже дублируется. Стоит указать в этой связи, что русский извод южнославянского перевода Хроники Манассии по ряду признаков близок к Ватиканскому — единственному из дошедших до нас списков памятника, снабженному иллюстрациями [Хроника Константина Манассии 1988: 50–58].

Чтобы вполне оценить иллюстративное сопровождение «Троянской истории» как знак ее символической ценности, нужно принять в расчет следующее. В древнерусской письменности существовал ограниченный набор памятников или типов книг, которые принято было иллюминировать. В большинстве случаев это заглавные миниатюры (Псалтирь, Евангелие, «Лествица», и др.). На их фоне явно выделяются украшенные рисунками образцы исторического повествования.

Создается впечатление, что книжники настойчиво стремились снабдить их сюжетными иллюстрациями. Это говорит о первостепенной значимости исторической тематики как средства религиозного воспитания. Памятники подобного рода должны были рассеять у благочестивого читателя возможные сомнения в том, что ход истории от начала мироздания до современности совершался при неизменном участии Провидения. Средствами изобразительного искусства средневековая историософия прочно запечатлевалась в сознании верующих. Важно, что у нас есть, помимо Лицевого свода, другие указания на существовавшую некогда традицию снабжать «Троянскую историю» иллюстрациями. Такие списки до нас не дошли, и причин могло быть много. Иногда списки перевода предполагалось иллюминировать, но план не был реализован. Иногда переписчик не имел возможности привлечь миниатюриста и заменял иллюстрации их кратким описанием. К первому разряду относится использованная нами рукопись *Тек.носм.15*. Составители поначалу думали снабдить рисунком каждую страницу текста, для чего оставляли в рукописи чистой всю страницу или ее половину. В кодексе остались следы того, что миниатюрами была украшена рукопись, послужившая для нашего списка оригиналом [Творогов 1972а: 170]. Иллюстрированной была также рукопись, ставшая оригиналом для составителя Титовской редакции, известной в единственном списке XVII в. *Тит2953*. Следы оригинала отложились в этом списке в виде словесного описания находившихся в оригинале миниатюр, по тексту рукописи описания по большей части выделены киноварью. В научной литературе упоминаются списки других произведений (Хронограф, Повесть о Варлааме и Иоасафе), в которых вопрос о воспроизведении иллюминированного оригинала решен тождественным образом — через описания [Покровская 1969; Лебедева 1985: 98–99]. Обратим внимание еще на один список «Троянской истории» — тот, что принадлежал П. П. Вяземскому и считался долгое время утраченным. Сейчас он опознан в рукописи XVII в. *Рук.собр.РГАДА69* [Хрипков 1993]. Прежний владелец рукописи указал на любопытную ее особенность. Текст размещен по страницам в соответствии со строгим расчетом: две страницы, по 23 строки в каждой, равны тексту одного столбца в латинском первоисточнике Истории, если считать им издание 1489 г. Велика вероятность, что скрупулезность переписчика рукописи в членении копируемого текста, перенесенная из архетипа перевода, связана с разметкой текста под иллюстрации в этом самом архетипе. Наша догадка будет выглядеть более правдоподобной, если добавить к сказанному, что первый и третий из выделенных нами списков, кроме того, список, послуживший оригиналом для Титовского, наконец, список из Лицевого

свода — все содержат текст древнейшей (полной) редакции перевода. Напрашивается вывод, что миниатюры находились или в архетипе перевода, или в ближайшей к нему копии, благодаря чему и возникла традиция украшать «Троянскую историю» иллюстрациями.

Пространное отступление, посвященное Троянскому сюжету в литературе XVI в., понадобилось, чтобы показать значение этого сюжета (прежде всего в его интерпретации Гвидо де Колумна) для идеологического обоснования нового статуса Московского государства. Определив культурно-исторический контекст, мы можем более уверенно рассуждать о том, где и когда сложился диптих, состоящий из Послания Карпова и отрывка из «Троянской истории», переведенной, скорее всего, в 1520–1530-е гг. Идеологическая кампания по приданию сакрального статуса Московской державе приблизилась в последние десятилетия перед Смутой к завершающей стадии. При этом следы всех пропагандистских мероприятий того времени прямо или окольными путями ведут к Чудову монастырю. Значительным религиозно-политическим событием тех лет стало учреждение Московской патриархии в 1589 г. Первым официальным источником, в котором употреблена формула «Москва — Третий Рим», является Грамота об учреждении патриаршества — программное произведение, подводящее итоги московских идеологических трудов XVI в. С Чудовым монастырем связана деятельность как Иова, первого Московского патриарха, так и ближайших людей из его окружения. В скриптории Чудова монастыря готовились роскошные «Годуновские Псалтири», рассылавшиеся по главным церквям и монастырям Руси [Новикова, Сиренов 2004; Усачев 2015]. В Чудове редактировались и совершенствовались монументальные литературные своды, которые были созданы в течение столетия в ходе идеологической кампании. Можно сказать, что Чудов монастырь стал к концу XVI в. витриной Московского царства в его новом сакральном измерении. Трудно представить, чтобы «Троянская история», наделенная, по разумению московских идеологов, мощным символическим зарядом, не была знакома чудовским книжникам.

Происхождение интересующего нас диптиха видится следующим. Разбирая остатки архива Карпова (возможно, хранившиеся вместе с архивом Максима Грека), чудовские старцы отыскивали его Послание о Третьей книге Ездры, которое не было обнародовано при жизни автора. Постскрипtum к Посланию в виде тайнописи или ребуса подогрел интерес к нему, и оно получило некоторое распространение в рукописях как самостоятельное произведение (без фрагмента о Левиафане). Вскоре текст попал в руки какого-то книжника, огорченного отсутствием ответного письма Максима Грека и вместе с тем хорошо знавшего

содержание «Троянской истории». Этот неизвестный решил исправить положение и добавил к Посланию Карпова выписку о Левиафане из перевода «Троянской истории». Соблазнительно было бы отождествить неизвестного книжника и составителя *Чуд236*. Судя по содержанию сборника, его комплектовал образованный писатель, едва ли находившийся в стороне от Чудовских книжных проектов идеологической направленности, значит, знакомый и с переводным сочинением Гвидо де Колумна. К сожалению, текст фрагмента из «Троянской истории» не позволяет начинать его историю непосредственно от Чудовского сборника: в статье о Левиафане опознаются два чтения, в которых более поздние списки точно соответствуют полному переводу и его латинскому оригиналу (см. публикацию текста в конце статьи), между тем как в Чудовском сборнике в одном случае чтение испорчено, а в другом случае находим пропуск. Приходится ввести в историю диптиха дополнительное звено в виде предшествовавшего Чудовскому сборнику антиграфа, быть может, заранее заготовленного для будущего сборника самим же его составителем. К этому антиграфу восходят остальные списки диптиха. С той поры, как появился диптих, никто не сомневался, что статья о Левиафане является аутентичным писанием Максима Грека. Поскольку известен промежуток времени, когда был составлен Чудовский сборник, мы можем приблизительно датировать операцию по извлечению статьи о Левиафане из пространного сочинения Гвидо де Колумна. Это произошло незадолго до 1589 г.

3. Экскурс о Левиафане в памятниках литературы XVI в.

Опознание «Троянской истории» как подлинного источника статьи «О Левиафане» позволяет внести поправки в историю литературных памятников, не имеющих прямого отношения к переписке Федора Карпова и Максима Грека. Таково Послание Корнилия, инока Снеготорского монастыря, к духовному сыну о сочетании вторым браком [Серебрянский 1908: 490–495, 527–532]. Послание адресовано некоему священнику Ивану, который принял решение вторично жениться ради «чадородия». Пытаясь отвратить свое чадо от греховного поступка, Корнилий указывает ему, что и простым-то людям дозволяется вторично вступать в брак только «по великой нужи». Страшнее последствия второбрачия для носителей духовного сана: церковь признает такое деяние тяжким преступлением. Эмоциональное вступление, столь же эмоциональная концовка и несколько интерполяций в середине Послания — этим ограничен собственный вклад в его содержание автора, чье имя объявлено в заголовке произведения. Если не считать заголовка, Корнилий называет себя по имени только один раз — в начальном обращении. Там же приведено имя

адресата: «...Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Мария честнаго и славнаго ея Рождества и прочих храмов Снетных горы последний во иноцех [...] смиренный инок Корнилиище сыну своему Ивану воспосылаю наказание и благословение». В завершении текста автор использовал устойчивый мотив эпистолярного этикета — просьбу об ответном письме: «И молю, сыну, о сем, чтобы честная святыня не обленилася нечто душеполезно и утешительно послати писанейце крестоносныя ти руки...».

Совместными усилиями исследователей установлено, что, за вычетом отмеченных элементов, основной текст в творении Корнилия заимствован им, с незначительными переменами, из трех главных источников — Жития Ефросина Псковского, «Выписи» о втором браке Василия III и нашей статьи о Левиафане. Разногласия между учеными возникли в отношении датировки произведения. Участники дискуссии, пытавшиеся отождествить Корнилия, автора Послания, с несколькими историческими персонажами, обычно исходили из того, что произведение написано во второй половине XVI в. Раннюю дату — вторую четверть века — предложила недавно В. И. Охотникова [Охотникова 2015]. Свой вывод она основывает на том, что ни один из указанных трех источников не мог быть написан позже середины XVI в. Житие Ефросина, как доказывает исследовательница, использовано Корнилием в его ранней редакции, которую вытеснила из обращения редакция Василия-Варлаама, отвечающая агиографическому канону и составленная в 1547 г. «Выпись» о втором браке исследователи относили к разным годам и разным столетиям. В. И. Охотникова считает убедительным мнение тех, кто усматривал в тексте отражение событий 1546–1547 гг. При датировке статьи о Левиафане все исходило из того, что она принадлежит Максиму Греку и представляет собой его ответ на Послание Карпова. Поэтому никто не сомневался, что она написана до 1525 г. — даты первого собора на афонского старца. Имея в руках новые факты, проверим, насколько основательны выводы прежних специалистов [Серебрянский 1908: 490–495; Смирнов 1913: 150, примеч. 1] и В. И. Охотниковой.

Если говорить о ранней редакции Жития Ефросина, то автор этих строк указал уже на разночтения, в которых цитаты Корнилия содержат первичные варианты сравнительно с текстом Жития [Буланин 2021a]. Наличие таких вариантов можно объяснить тем, что оба текста восходят к общему источнику. Решающие аргументы против ранней датировки Послания Корнилия дают сведения, касающиеся статьи о Левиафане. Как мы выяснили, она была выписана из перевода «Троянской истории» в конце XVI в. При этом вторичность извлечения, сделанного из статьи о Левиафане Корнилием, по отношению к самой статье доказана Н. В. Сеницыной [Максим Грек 2008: 481–482].

Достаточно сказать, что автор Послания в простоте своей посчитал Исидора Севильского «евреянином». Неловко вставленная Корнилием в текст его Послания цитата из статьи о Левиафане мотивирована тем, что в статье библейское чудовище без обиняков приравнено к дьяволу. Он-то, по убеждению духовного отца, и смущает мысли попа Ивана, побуждая его к новому браку: «И паки ныне той же Левиафам обрете тебе легка убо умом, легчайша же того и разумением, и той тя научи вторую супругу пояти». Еще С. И. Смирнов заметил, что пространное заимствование из статьи о Левиафане разрывается в Послании интерполяцией со словами о дьяволе, связанном, согласно Апокалипсису, на тысячу лет. Теперь же, по тексту Послания, дьявол «отвязан», и он увлек всех в нечестие, «токмо единого государя нашего царство невреждимо пребывает» [Смирнов 1913: 150, примеч. 1]. Мы видим явную, хотя и неконкретную отсылку к мотивам, разрабатывавшимся московской идеологической кампанией, которая активизировалась, как было сказано, после учреждения патриаршества. Мысль о Московском царстве как единственном страже православной веры варьировалась в разных произведениях того времени. Сочинение Корнилия соответствует идеологической атмосфере конца XVI в.

Еще одним памятником, интерпретации которого помогает статья о Левиафане в свете новых данных, является текст, известный под названием «Выпись» о втором браке Василия III. Со времен Н. М. Карамзина, скептически отнесшегося к сообщениям «Выписи», не стихают споры о том, какие реальные события запечатлены в произведении, возникли ли присущие ему несообразности в результате искажения актовых источников или поиски таких источников лишены смысла, потому что перед нами сочинение, полностью вымышленное. В последнем случае ее можно было бы назвать запоздалым откликом на матримониальную затею великого князя 1525 г., осужденную тогда православным духовенством и рассматривавшуюся с той поры как корень всех бед, обрушившихся на Московское царство. Доверие к «Выписи» зависит от его датировки: чем меньший срок полагался со времени отраженных в произведении событий, тем больше видели шансов найти в «Выписи» достоверные отзвуки истории. В. И. Охотникова, поместившая Послание Корнилия, где использован текст «Выписи», во вторую четверть XVI в., приняла мнение историков, с доверием отнесшихся к сообщениям «Выписи». Напротив, автор этих строк, сдвинув создание «Выписи» к рубежу XVI–XVII вв., доказывал, что писавший много лет спустя сочинитель представил драматические события 1525 г. в собственной интерпретации и с фантастическими подробностями. Новая датировка Послания Корнилия хотя и не позволяет поставить точку в

споре, придает бóльшую убедительность нашей интерпретации «Выписи». Кроме того, дополнительное значение приобретают отмеченные в нашей статье о «Выписи» буквальные и приблизительные совпадения между этим произведением и другими сочинениями Федора Карпова. В качестве одного из книжных центров, который мог быть причастен к возникновению «Выписи» или к ее дальнейшей судьбе, назывался Чудов монастырь. С другой стороны, именно в Чудове монастыре хранились, по всей видимости, какие-то остатки архива Федора Карпова. Судьба его Послания о Третьей книге Ездры подтверждает такой вывод. Если взять в расчет сказанное, возникает законный вопрос: можно ли считать случайным тот факт, что два из трех источников, использованных в Послании Корнилия (статья о Левиафане и «Выпись»), связаны с судьбой наследия Федора Карпова, а через это наследие — с Чудовым монастырем? Какое отношение имел к кремлевскому монастырю пскович Корнилий? Не располагая какими-либо дополнительными материалами, считаем благоразумным оставить до поры до времени поставленные вопросы без ответа.

Статья о Левиафане публикуется параллельно с соответствующим фрагментом из «Троянской истории» Гвидо де Колумна, который приводится по оригиналу и по русскому переводу. Использованный нами список изобилует ошибками против оригинала, которые, при отсутствии текстологического исследования и критического издания перевода, не видим смысла исправлять. По той же причине не видим резона обсуждать дополнения и пропуски по тексту, которые (если они совпадают в переводе всей «Троянской истории» и в отрывке о Левиафане, взятом из этого перевода и приписанном Максиму Греку) могут восходить к архетипу русского перевода. Что касается текста статьи о Левиафане, в его издание, выполненное в 2008 г. по рукописи Чуд236, внесены всего два исправления. Они обособлены квадратными скобками и взяты из других списков диптиха — *Тр.200, л. 421об.–422об.; Сол.7/7, л. 530об.–534об.* Эти разночтения подтверждают, что сам Чудовский сборник не мог стать родоначальником последующей рукописной традиции диптиха.

Guido de Columnis. *Historia destructionis Troiae*, p. 95–97

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, л. 101об.–103об.

Преподобный Максим Грек, *Сочинения*, т. 1. С. 335–336

Quam primum Creator mundi in empyreo celo creavit angelos, quod ille angelus qui omnibus aliis fuit prelatus, de quo propheta dixit: “Cedri non fuerunt alciores illo in paradiso;

Яко егда Творец миру на огненном небеси сотвори аггелы, яже от ангел иже всех прочих ангел бе вышша, о нем же пророк рече: «Кедры не беша вышша-

О Еливиафанте

Яко егда Творец миру на огненем небеси сътвори аггелы, яже он аггел иже всех прочих аггел бе вышши, о нем же пророк рече: «Кедры не беша вышши его в рай

Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae, p. 95–97

abies non adequauerunt summitatem eius; platani non fuerunt equales frondibus illius; omne lignum paradisi preciosum non est assimilatum pulchritudini eius” (a). Ideo speciosum fecit eum Deus et prefecit multorum legionibus angelorum. Hic elatus superbie pondere cum dixit “Ponam sedem meam ab Aquilone et ero similis Altissimo” (b), statim ab eterna benedictione cecidit cum legionibus suis et dyabolus et dyaboli facti sunt. Vnde dyabolus, id est deorsum fluens. De hoc dictum est, “Quomodo cecidisti, stella matutina, de medio lapidum ignitorum?” (c). Et cecidit Lucifer, qui in paradiso deliciarum nutritus est, et vulneratus a Morte ad inferiora descendit. Vnde et Christus in Euangelio sancto suo, “Vidi”, inquit, “Sathanam quasi fulgur de celo cadentem” (d). Hic fuit ille Leviathan. Et quia plerisque materia non est nota, ideo sub compendio de eo dicere decreuimus in hoc loco. Scripsit enim Ysidorus *Ethimologia-rum* quod Hebrei Hebrea uoce uocant illum Bemoth (e), quod Latina lingua sonat animal brutum. Est enim spiritus malus immundicie et spurcie plenus, et ideo Deus ab ipso principio deiectionis eius conuertit ipsum in animal brutum, id est in serpentem tortuosum, et cum sit immense magnitudinis dictus est draco. Et de hoc sentit Daud, “Hoc mare magnum et spaciosum” (f) et cetera; deinde subiunxit, “Draco iste quem formasti ad illudendum ei” (g) et cetera. Dictus est

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, л. 101об.–103об.

ше его в раи Божии, певги не сравнишася высоте его и кипарисе не беша равни ветвем его, и всяко древо райское драгое не уподобися красоте его». Того ради красно сотворися его Бог и предучинил легеон многих ангел. Возвысися гордости бременем: «Егда, — рече, — положу престол мой на севере и буду подобен Вышнему», абие от вечного благословения спадеся с легионы своими, и диявол и дияволи быша. Сего ради диявол, сиречь низу пад, от сего наречеся. О сем речеся: «Како падеся, зарница, от среды камени огненных?». И низпаде денница, иже в раи пицным воспитася, и уязвися от смерти в нижняя сниде. Сего ради Христос во своем Еуангелии: «Видех, — рече, — Сатону, аки молнию с неба спадшу». Сей бе он Левиястан, о нем же рече Иев. Но зане веде существо не ново, сего ради вкратце о нем рещи умыслихом в сем месте. Написа бо Исидор *Итимология-рум*, яко евреи и еврейским гласом нарицают его Веемоте, еже руским языком сказуется животное безсловесное. Есть бо дух лукавый нечисты и скареды полно, и сего ради Бог от начала свержения его обрати его в животину безсловесную, сиречь во змию пригиблемую; зане есть безмерна величество, наречеся драко. О сем разумет Давид: «Се море велико и пространно» и прочие; потом прилагает: «Змий сей, его же создал еси ругатися ему» и прочая. Именова же

Преподобный Максим Грек, Сочинения, т. 1. С. 335–336

Божии, певги не сравнишася высоте его, кипариси не беша равни ветвем его, всяко древо райское драгое не подобися красоте его». Толь красна сътвори его Бог и предучини легеону многих аггел. Сей възвысися гордостию бременем: «Егда, — рече, — положу престол мой на севере и буду подобен Вышнему», абие от вечнаго благословения спаде с легеоны своими, и диявол и дияволи быша. [Сего ради диявол], сиречь низу пад, от сего наречеся. О сем речеся: «Како падеся, зорница, от среды камней огненных?». Низпаде денница, иже в раи пицнем въспитася, и уязвися от смерти в нижняя сниде. Сего ради Христос в Еуагелии своем рече: «Видех Сатану, яко мльнию съ небесе спадша». Сей бе он Елвифант, о нем же рече Иов. Но зане веде существо не ново, сего ради вкратце о нем рещи умыслихом в семь месте. Написа бо Исидор *Отимологиарум*, яко евреи еврейским гласом нарицают его Веемот, еже руским языком сказуется животное безсловесное. Есть бо дух лукавый нечистоты и скареды полн, и сего ради Бог от начала свержения его обрати его в животину безсловесную, сиречь в змию прегиблемую; и зане есть [безмерна] величества, наречеся драко. О сем разумет Давид: «Се море велико и пространно» и прочаа; потом прилагает: «Змий сей, его же созда ругатися ему» и прочаа. Именова же ся

Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae, p. 95–97

autem Leuiathan secundum Ysidorum serpens de aquis (h). Vnde legitur in *Apo-graphia* beati Brandani, dum nauigaret per oceanum, idem sanctus uidisse eum mire longitudinis, et spaciositatis in profundum oceani deiectum et inclusum in eo usque ad diem iudicii iussu Dei. Ideo enim dicitur tortuosus et esse in hoc mari quia in huius seculi mari dyabolus uolubili uersatur astucia ad decipiendum animas miserorum. Hic est ille Leuiathan qui factus serpens, a sue deieccionis principio inuidens glorie primorum parentum nostrorum, ausus est uoluptatis paradisum intrare, et erectus gradiens sicut homo primos parentes nostros cecis temptacionibus, uicio preuaricacionis, affecit, vt facti mandati Dei intrepidi transgressores deici meruerunt ab ipsius gloria paradisi sicut ille deici meruit a celesti gloria culpa sui. Licet illud quod legitur in principio *Genesis* secundum Mosaycam tradicionem, vbi dicitur: “Sed serpens erat calidior omnibus animantibus que fecerat Deus, qui dixit ad mulierem, “Cur precepit uobis Deus?””

(i) et cetera, secundum tamen traditionem Sacrarum scripturarum catholice vniuersalis ecclesie ratum est, ut scripsit Beda, quod dyabolus elegit quondam serpentem tunc de quodam genere serpen-cium uirginium habencem uultum et mouit ad loquendum linguam eius quid loqueretur nescientis, sicut et cotidie adhuc loquitur dyabolus per fanaticos et energuminos nascentes, id est, per homines quo-

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, л. 101об.–103об.

Лювитиян, по Инодору, змий от воды. Сего ради чтется во *Онографии* блажена Бранидияна: егда плаваше по аскиану той, истое виде единые долготы и широты, во дно акияна свержена и заключена в нем даже до дне судища Божия. Того бо ради глаголется пригибающее и быти в сем мире, зане в сем морским мире диявол пригibleмым живет лукавством ко восприятию душ акаянных. Сей есть Левитиян, иже бысть змия, от начала своего свержения зане и видяй славе первых родителей наших, дерзнув в рай пищный внити, и прямо идя, яко же человек, первых родителей наших слепыми искушении и страстию преступления опороче, ни быша заповеди Божии неустрашими преступница, сподобишася отпасти славы райския, яко же спасти сподобися от небесныя славы за вину свою. Аще сие чтется в начале *Бытии* по Моисееву преданию, иде же глаголет: «Но змия убо лукавея всех животных, их же сотвори Бог, яже рече жене: «Почто заповеда вам Бог?»» и прочая, но по преданию Священного писания апостольские соборные церкви утвержено есть, яко же написа Веда, яко диявол избра тогда некую змию от некоего рода, девича имеа лице, и повеждь глаголати язык ея, что глаголаши не ведуще, яко же еще по вся дни глаголет диявол похабыми беснующимися неведущи ими человеки, их же телеса от демон обдержимыи, яко же

Преподобный Максим Грек, Сочинения, т. 1. С. 335–336

Елевиафант, по Исидору, змий от воды. Сего ради чтется в *Анографии* блаженнаго Брандин: егда плаваше по окиану той святой, виде его дивныя долготы и широты, во дне окиана свержена и заключена в нем даждь до дне судища повелением Божиимъ. Того ради бо глаголется прегигающься и быти в сем мори, зане в сем морском мире диявол прегибаемым живет лукавством к въсприятию душ окаянных. Сей есть Елевиафант, иже бысть змий, от начала своего свержения завидя славе первых родителей наших, дръзнул в рай пищный внити, и прямо идя, яко же человек, первых родителей наших слепыми искушении и страстию преступления омрачи, и быша заповеди Божии неустрашими преступница, сподобишася отпасти славы райския, яко же спасти сподобися от небесныя славы за вину свою. Аще сие и чтется в начале *Бытии* по Моисееву преданию, иде же глаголет: «Но змия бе лукавее всех животных, их же сотвори Бог, иже рече жене: «Почто заповеда вам Бог?»» и прочая, но по преданию Священного писания апостольския церкви утвержено есть, ведеи, яко диявол тогда избра некую змию от некоего рода змиина, девиче имеа лице, и подвиже глаголати язык ея, что глаголеши не ведущи, яко же еще по вся дни глаголет диявол похабами и беснующимися неведущими человеки, их же телеса от демон обдержима, яко же о

Guido de Columnis. *Historia destructionis Troiae*, p. 95–97

rum corpora ab ipsis demonibus sunt obsessa, vt de hoc scriptum est in libro *Historiarum Scolasticarum*, circa principium, ubi prosequitur auctor hystoriam et expositionem libri *Genesis*. Vnde quicquid nobis catholicis per has Sacras scripturas notum est, certum est quod ille Leuiathan, id est, dyabolorum princeps, a culmine celesti deiectus, uel per seipsum corporaliter factus serpens uel per serpentem animal, ingressus in ipsum, callidis temptacionibus suis miseros parentes nostros et successores eorum perpetuam deiecerat in ruinam. Et hec de ydolatria et de noticia Leuiathan dixisse sufficiant.

(a) Ezech 31:8. (b) Is 14: 13–14.
(c) Is 14:12. (d) Lu. 10:18. (e) Etym VIII, 11:27. (f) Ps 103:25. (g) cf. Ps 103:26. (h) Etym VIII, 11:27. (i) Gen 3:1.

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, л. 101об.–103об.

о сем писано есть в книге *Истории Исхолостики* в начале, иде же изследует учитель историю, столкновение глаголет быти. Сего ради все, еже нам верным сим Священным писанием знаемо, извесно, яко он Левиинтан, сииречь дьявол началник, с высоты небесные свержен, или с собою телесне бысть змия, или во змию вниде, да лукавыми искушении своими бедных родителей наших и последователей их в вечное повержет падение. И сие о идолопоклонении и о знаты Левиитяна нареченно довлеет.

Преподобный Максим Грек, *Сочинения*, т. 1. С. 335–336

сем писано есть в книге *Истории Схолостики* в начале, иде же изследует учитель историю и толкование *Бытия*. Сего ради все, еже нам верным сим Священным писанием знаемо, известно, яко он Елевиафан, сиречь диавол началник, с высоты небесныа свержен, или собою телесне бысть змия, или в змию вниде, да лукавыми искушеними своими бедных родителей наших и последователей их в вечное повержет падение. И сие о знати Елевиатана речено довлеет.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилиц

БАН – Библиотека Академии наук (С.-Петербург, Россия).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва, Россия).

ГПБ – Государственная публичная библиотека (ныне – Российская национальная библиотека, С.-Петербург, Россия).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия).

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург, Россия).

Библиография

Рукописи

Муз358

ГИМ, Музейское собр., № 358, XVI в.

Рук.собр.РГАДА69

РГАДА, ф. 188, Рукописное собр. РГАДА, № 69, XVII в.

Син915

ГИМ, Синодальное собр., № 915, 1499 г.

Сол7/7

ГПБ, собр. Соловецкого мон., № 7/7, XVII в.

Тек.пост.15

БАН, собр. Текущих поступлений, № 15, XVII в.

Тит2953

РНБ, собр. Титова, № 2953, XVII в.

Тр86

РГБ, ф. 304/1, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 86, 1550-е гг.

Тр200

РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 200, XVII в.

Чуд236

ГИМ, собр. Чудова мон., № 236, 1589–1599/1600 гг.

Литература

Буланин 1984

Буланин Д. М., *Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты*, Ленинград, 1984.

——— 1993

Буланин Д. М., Троянская тема в Житии Михаила Клопского, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 48, С.-Петербург, 1993, 214–228.

——— 2021

Буланин Д. М., На пути к архиву Федора Карпова: Следы в Чудовом монастыре?, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 48/1, 2021, 18–36.

——— 2021а

Буланин Д. М., «Выпись» о втором браке Василия III — документ или литературная стилизация?, *Проблемы исторической поэтики*, 19/4, 2021, 171–189.

Бытие 1519

Бытие, Прага, 1519.

Вернер 2019

Вернер И. В., *Интерлинейная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека*, Москва, 2019.

Лебедева 1985

Лебедева И. Н., *Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв.*, Ленинград, 1985.

Лурье 1965

Лурье Я. С., Археографический обзор, *Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века*, Москва, Ленинград, 1965, 185–214.

Макарий 2007

Макарий (Веретенников), архимандрит, Старец Иосиф-доброписец — книжник Макарьевской школы, *История и культура Ростовской земли. 2007 г.*, Ростов, 2008, 112–133.

Максим Грек 2008

Преподобный Максим Грек, *Сочинения*, 1, Москва, 2008.

Новикова, Сиринов 2004

Новикова О. Л., Сиринов А. В., Сделано в Чудове, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 55, С.-Петербург, 2004, 441–450.

Охотникова 2015

Охотникова В. И., Послание Корнилия, инока Снетогорского монастыря: К вопросу о времени создания, *Slověne*, 5/1, 2015, 334–347.

Пентковская 2016

Пентковская Т. В., С русского на сербский, с сербского на русский: Два опыта редактуры церковнославянского текста в XVII в., *Stephanos*, 3/17, 2016, 28–58.

Петров 2015

Петров А. Е., Левиафан, *Православная энциклопедия*, 40, Москва, 2015, 313–316.

Пиккио 1985

Пиккио Р., Мотив Трои в «Слове о полку Игореве», *Проблемы изучения культурного наследия*, Москва, 1985, 86–99.

Покровская 1969

Покровская В. Ф., Как читал древнерусский книжник миниатюры лицевых исторических рукописей, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 34, Ленинград, 1969, 167–170.

Попов 1881

Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XI: Сведение о неизвестной книге Виленской печати 1586 года, *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*, 2, 1881, 52–55.

Серебрянский 1908

Серебрянский Н. И., *Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле*, Москва, 1908.

Синицына 2008

Синицына Н. В., Раннее творчество преподобного Максима Грека, *Преподобный Максим Грек, Сочинения*, 1, Москва, 2008, 15–80.

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 8, Москва, 1981.

Смирнов 1913

Смирнов С. И., *Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта*, Москва, 1913.

Творогов 1972

Творогов О. В., Троянские сказания в древнерусской литературе, *Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков*, Ленинград, 1972, 148–160.

——— 1972a

Творогов О. В., Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции, *Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков*, Ленинград, 1972, 166–184.

Усачев 2015

Усачев А. С., Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в., *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия II: История. История Русской православной церкви*, 3/64, 2015, 9–17.

Успенский 2002

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, 3-е изд., испр. и доп., Москва, 2002.

Хрипков 1993

Хрипков В. Ф., Русские списки и редакции перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 46, С.-Петербург, 1993, 88–97.

Хроника Константина Манассии 1988

Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах, София, 1988.

Ягич 1885–1895

Ягич И. В., Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке, *Исследования по русскому языку*, 1, С.-Петербург, 1885–1895, 289–1067.

Bensly 1895

Bensly R., *The Fourth Book of Ezra*, Cambridge, 1895.

Bulanin 2021

Bulanin D., Alexander the Great and Other Personages in the “Tale of the Battle against Mamai”, *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations*, London, New York, 2021, 449–464.

Bushkovitch 2020

Bushkovitch P., The Trojan War at the Court of Ivan the Terrible, *Russian History*, 47/1–2, 2020, 36–48.

Guido de Columnis 1936

Guido de Columnis, *Historia destructionis Troiae* (= The Mediaeval Academy of America. Publication, 26), Cambridge, Mass., 1936.

MacRobert 2018

MacRobert C., Maksim Grek in Linguistic Context, *Latinitas in the Slavic World: Nine Case Studies* (= Specimina Philologiae Slavicae, 192), Berlin et al., 2018, 173–205.

Wimmer 2005

Wimmer E., *Novgorod - ein Tor zum Westen?: Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500)* (= Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa, 13), Hamburg, 2005.

References

Bulanin D. M., *Perevody i poslaniia Maksima Greka: Neizdannye teksty*, Leningrad, 1984.

Bulanin D. M., Troianskaia tema v Zhitii Mikhaila Klopskogo, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 48, St. Petersburg, 1993, 214–228.

Bulanin D., Alexander the Great and Other Personages in the “Tale of the Battle against Mamai”, *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations*, London, New York, 2021, 449–464.

Bulanin D. M., On the way to Fedor Karpov’s archive: Traces in the Chudov monastery?, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Yazyk i literatura*, 48/1, 2021, 18–36.

Bulanin D. M., Vypis about the Second Marriage of Vasilii The Third: A Document or a Literary Syle Imitation?, *Problemy istoricheskoy poetiki*, 19/4, 2021, 171–189.

Bulanin D., Alexander the Great and Other Personages in the “Tale of the Battle against Mamai”,

The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic, and Cultural Relations, London, New York, 2021, 449–464.

Bushkovitch P., The Trojan War at the Court of Ivan the Terrible, *Russian History*, 47/1–2, 2020, 36–48.

Khripkov V. F., Russkie spiski i redaktsii perevoda «Troianskoi istorii» Gvido de Kolumna, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 46, St. Petersburg, 1993, 88–97.

Lebedeva I. N., *Povest' o Varlaame i Ioasafe: Pamiatnik drevnerusskoi perevodnoi literatury 11–12 vv.*, Leningrad, 1985.

Lurie Ya. S., *Arkheograficheskii obzor, Aleksandriia: Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi 15 veka*, Moscow, Leningrad, 1965, 185–214.

Makarii (Veretennikov), arch., Starets Iosif-dobropisets – knizhnik Makar’evskoi shkoly, *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli. 2007 g.*, Rostov, 2008, 112–133.

MacRobert C., Maksim Grek in Linguistic Context, *Latinitas in the Slavic World: Nine Case Studies* (= Specimina Philologiae Slavicae, 192), Berlin et al., 2018, 173–205.

Novikova O. L., Sirenov A. V., Sdelano v Chudove, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 55, St. Petersburg, 2004, 441–450.

Okhotnikova V. I., The Epistle of Cornelius, a Monk of the Snetogorsky Monastery, *Slověne*, 5/1, 2015, 334–347.

Pentkovskaya T. V., From Russian to Serbian, from Serbian to Russian: Two Kinds of Revision of the Church Slavonic Texts in the 17th century, *Stephanos*, 3/17, 2016, 28–58.

Petrov A. E., Leviatan, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 40, Moscow, 2015, 313–316.

Pikkio R., Motiv Troi v «Slove o polku Igoreve», *Problemy izucheniia kul'turnogo naslediia*, Moscow, 1985, 86–99.

Pokrovskaya V. F., Kak chital drevnerusskii knizhnik miniatiury litsevykh istoricheskikh rukopisei, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 34, Leningrad, 1969, 167–170.

Sinitsyna N. V., Rannee tvorchestvo prepodobnogo Maksima Greka, *Prepodobnyi Maksim Grek, Sochineniia*, 1, Moscow, 2008, 15–80.

Tvorogov O. V., Troianskie skazaniia v drevnerusskoi literature, *Troianskie skazaniia: Srednevekovye rytsarskie romany o Troianskoi voine po russkim rukopisiam 16–17 vekov*, Leningrad, 1972, 148–160.

Tvorogov O. V., Povesti o Troianskoi voine v russkoi rukopisnoi traditsii, *Troianskie skazaniia: Srednevekovye rytsarskie romany o Troianskoi voine po russkim rukopisiam 16–17 vekov*, Leningrad, 1972, 166–184.

Usachev A. S., About the distribution of the theory “The Third Romein” Russia of the 16th century, *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia II: Istoriiia. Istoriiia Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 3/64, 2015, 9–17.

Uspenskij B. A., *Istoriiia russkogo literaturnogo iazyka (11–17 vv.)*, 3rd ed., Moscow, 2002.

Verner I. V., *Interlinearnaia slaviano-grecheskaia Psaltyr' 1552 g. v perevode Maksima Greka*, Moscow, 2019.

Wimmer E., *Novgorod - ein Tor zum Westen?: Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500)* (= Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa, 13), Hamburg, 2005.

Дмитрий Михайлович Буланин, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
199034, С.-Петербург, наб. Адмирала Макарова, д. 4
Россия / Russia
dmitriibulanin@yandex.ru

Received September 3, 2024